

Секция «Политика памяти: методология исследования и практики применения.»

Политика памяти в контексте нациестроительства на Южном Кавказе

Научный руководитель – Саркисян Оганес Лаврентьевич

Саргсян Давид Оганесович

Студент (магистр)

Российско-Армянский (Славянский) университет, Институт права и политики, Кафедра политологии, Ереван, Армения

E-mail: dsvs9995@gmail.com

После развала СССР в государствах, сформировавшихся на постсоветском пространстве, начался интенсивный процесс нациестроительства, предполагающий активную политику конструирования национальной идентичности. Этот процесс в различных странах имеет как общие признаки, так и свои специфические черты. Важным составляющим процесса нациестроительства является конструирование исторической памяти народа. Историческая память селективна, что-то вбирает из исторического прошлого, а что-то отсеивает, что зачастую является результатом целенаправленной политики памяти, основным актором которой выступает государство. Как пишет В.А. Шнирельман, «современное государство, в особенности национальное, придает огромное значение официальной версии истории и всеми силами пытается навязать ее своим гражданам» [Шнирельман, 2003, 14].

Амбиции будущего и цели политики нациестроительства заставляют государства по-новому конструировать историю, следствием чего становятся так называемые «войны памяти». Исключением не являются и государства Южного Кавказа, где эти войны подпитываются также неразрешенными конфликтами. Все три республики региона соревнуются, в первую очередь, в вопросе своего древнего происхождения: грузины твердят о том, что они являются потомками древней Колхиды и в 2000 г. они отпраздновали 3000-летие грузинской государственности, армянская сторона считает себя наследницей древнего государства Урарту, акцентируя также то, что является первой страной, которая приняла христианство в 301 г., а азербайджанцы пытаются убедить, что они являются потомками древнего народа мидийцев.

В политике нациестроительства некоторых государств постсоветского пространства особое место занимает «постколониальный синдром», выражающийся в стремлении отмежеваться от советского прошлого, что, в свою очередь, превращается в политику дистанцирования от России или даже - противопоставления ей. Данная позиция на Южном Кавказе наиболее четко проявляется в Грузии, следствием чего является усиление ее прозападной ориентации. Под данную установку конструируется история - Грузия контактировала с западным миром еще в глубокой древности (миф об аргонавтах), она носитель «европейской идентичности», что делает естественным ее стремление «вернуться в Европу». Грузинские историки немало «постарались», чтобы найти в древности грузинский «золотой век», предков в Малой Азии, хетские корни грузинской нации. Важное место в политике памяти здесь занимает позиционирование исторической верности православной вере, разрыв с антихалкидонистской традицией, в результате, отрицание связей с армянской церковью и ее влияния на формирование христианской традиции в Грузии.

Намного более антагонистична «война памяти», развернувшаяся между Азербайджаном и Арменией. Как это ни парадоксально, но поражение в Первой карабахской войне стимулировало целенаправленный процесс нациестроительства в Азербайджане, в том числе, в области политики памяти.

С обретением независимости перед Азербайджаном встала задача осуществления двух проектов: проект формирования азербайджанской государственности и проект создания азербайджанской нации. Хотя необходимо признать, что 70 лет советской власти уже способствовали заложению основ азербайджанской идентичности. В.А. Шнирельман пишет: «Едва возникнув, новое государство должно обращаться к истории, чтобы подкрепить глубокой древностью и непрерывностью исторической традиции свое право на существование. Так происходило во всем мире, не избежал этого и Азербайджан» [Шнирельман, 2003, 119]. Еще в советский период была поставлена задача, доказать, что азербайджанцы автохтонный народ, происходящий от населения древней Мидии. Делалась также попытка «приватизировать» историю и культуру Кавказской Албании.

В независимом Азербайджане было два основных дискурса вокруг проблемы нациестроительства, в целом, и политике памяти, в частности: азербайджанство и тюркизм.

Народный Фронт, пришедший к власти в 1992 году, сформулировал националистический дискурс, основанный на идее тюркизма, подчеркивая турецкое происхождение азербайджанской нации. Подобный подход получил негативную оценку со стороны национальных меньшинств Азербайджана (талыши, лезгины и тд.). После прихода к власти Гейдара Алиева в 1993 году акцент в построении нации сместился в сторону азербайджанства, идеологии, призванной ослабить межэтническую напряженность внутри страны. Период Ильхама Алиева отмечен укреплением идентичности азербайджанского гражданства. С 2003 года консолидированное понятие азербайджанства послужило основой для гражданского понимания азербайджанства и инклюзивной гражданской идентичности.

Так как «...проект азербайджанской нации не имел исторических прецедентов, национального эпоса сопротивления иноземцам, даже языка (слишком похожего на турецкий), религиозного сознания (слишком иранского шиитского ислама) и культурно-бытовой общности» [Дерлугьян, 2021, 18], то этот проект стал строиться вокруг идеи государства: «государство, сплачивающее азербайджанцев в единую нацию, наполнено для них огромного смысла и имеет непреходящую ценность» [Шнирельман, 2003, 37]. Под этот проект и подстраивается вся политика памяти, в которой особое место занимает экспансия по отношению к армянской истории, попытка ее полностью нивелировать, что зачастую проявляется на официальном государственном уровне: «азербайджанский президент любит подкреплять рассуждения о сегодняшнем дне историческими доводами (весьма сомнительными), пытаясь отказать Армении как в будущем, так и в прошлом» [Ваал де, 2014, 356].

В Республике Армения же термин политика нациестроительства практически не используется. Обосновывается данная позиция тем, что население Республики Армения моноэтнично. Но игнорирование политики нациестроительства, исходя из факта моноэтничности населения Республики Армения, означает, что нация понимается сугубо в этническом смысле. Отсутствие особой политики нациестроительства определило отсутствие и политики памяти. В этих условиях негосударственные акторы формировали некоторые блоки этой политики: армянская церковь, которая добилась введения в школьные программы особого предмета - «История армянской церкви», историки (в основном представители партии Дашнакцутюн) - авторы школьных учебников армянской истории и др. Соответственно, в основе политики памяти продолжала оставаться этнокультурное и конфессиональное представление армянской нации. На этой же основе строилась и символическая политика: исторические символы (Великая Армения), географические (гора Арарат, озеро Севан), даже предметы, фрукты и элементы кухни (дудук, абрикос, гранат, лаваш, долма). В определенной степени сохранялась модель нации-жертвы (Геноцид). На все это повлиял также факт наличия большой армянской диаспоры. Очевидно, что сама политика памяти в Армении - это скорее политика памяти нации-этноса с древней и богатой культурой, но не государства с амбициями гражданской нации.

Источники и литература

- 1) Ваал де Т., Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- 2) Дерлугьян Г.М. Мировая война местного значения // Буря на Кавказе / под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021.
- 3) Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003